В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский

Ленин и Сталин как историки: сравнительный анализ воззрений

**Багдасарян Вардан
Эрнестович**

д-р ист. наук,
проф., Московский
государственный
областной
университет
(Москва, Россия)

**Реснянский Сергей
Иванович**

д-р ист. наук,
проф., Российский
университет дружбы
народов; Московский
государственный
областной
университет
(Москва, Россия)

Исторические воззрения государственных деятелей в проекции исследований феномена идеологии. Исследования исторического сознания дают не только сведения о распространении знаний и представлений об истории за пределами профессиональной сферы историков, но и возможность проследить один из важнейших механизмов формирования политической позиции. Через взгляд на прошлое — отношение к историческим персоналиям, вехам истории — политическая позиция заявляется зачастую более определенно, чем при определении различий программ политических партий. Быть приверженцем Ленина, Сталина, Колчака, Егора Гайдара или их противником — само по себе важнейший индикатор разделяемой идеологической платформы¹. Значимые когнитивные потенциалы разработок в этом направлении может содержать в себе реконструкция исторических взглядов политиков — лидеров государств.

Исторические взгляды политика, опорные образы в его системе восприятия, позитивные и негативные, к которым он обращается в истории, в значительной мере определяют формируемый им государственный курс. Через исторический нарратив в большей степени, чем через какую-либо другую парадигму, выстраивается идеология государства (если понимать под идеологией

систему заявляемых от его лица ценностей и идей). Хотя понятие «государственная историческая политика» введено в политологию сравнительно недавно, государства исстари использовали его в различных аспектах идеологического позиционирования, саморепрезентации, мотивации населения на свершения, для отстаивания интересов в полемике с другими государствами и иными политическими акторами. Для государств идеократического типа — с акцентированно заявленной идеологией — исследования исторических воззрений государственного лидера-идеократатора приобретают особое значение. К наиболее очевидным государствам такого типа относился СССР, прежде всего ленинского и сталинского периодов его истории.

И Ленин, и Сталин были государственными лидерами-идеологами, их воззрения содержали в том числе взгляды на историю. Адекватно понять ленинские и сталинские политические шаги, ленинский и сталинский политический курс в целом нельзя без изучения их взглядов на прошлое, которые, как бы банально это не звучало, в значительной мере формировали воззрения на настоящее и будущее.

К сожалению, несмотря на широкий массив разнообразных работ, посвященных ленинскому и сталинскому наследию, этот фактор не стал в современной историографии предметом самостоятельного изучения. В советское время исследований о Ленине и о Сталине (до хрущевской десталинизации) как о теоретиках исторического материализма было предостаточно, но они, как правило, имели высокую политическую ангажированность, являясь продолжением создаваемого государством историко-идеологического нарратива². Из публикаций постсоветского времени определенное исключение составляют работы, посвященные кругу чтения Сталина, в который входили и книги по истории³. Анализ «ленинианы» последних десятилетий предпринят в исследовании Е. А. Котеленец⁴.

Безусловно, Ленин и Сталин — крупнейшие идеократические фигуры за всю историю России и одни из крупнейших в истории человечества в целом. Их исторические воззрения — составная часть выстраиваемых ими идеологических систем. Проблема, находящаяся сегодня в фокусе ленинско-сталинской темы общественного дискурса, состоит в определении сущностного их единства и различия. Сталкиваются позиции их генезисного и идеологического преемства, а также принципиального расхождения вплоть до представления Сталина как анти-Ленина.

Важным вопросом такого сравнения может быть сопоставление взглядов В. И. Ленина и И. В. Сталина на историю.

Ленин и Сталин: историографические тенденции в проблеме соотношения идеологических позиций. Формула «Сталин — это Ленин сегодня» (ключевое слово — «сегодня») подразумевала не то, что Сталин повторяет Ленина, а то, что он применяет ленинизм к ситуации сегодняшнего дня, который отличается от дня предыдущего. В этой логике, с учетом изменения реальности мировой и внутристрановой, подразумевалось, что существуют некие различия, связанные с изменением исторической ситуации. Таким образом, фраза «Сталин — это Ленин сегодня» может прочитываться совершенно иначе,

нежели она прочитывалась традиционно, т. е. как тождество ленинской и сталинской политики⁵.

Между тем Сталин никогда не допускал критики ленинской теории, никогда не говорил об устарелости ленинских подходов (при этом он не единожды критиковал, например, Ф. Энгельса). Сталин в значительной мере и был создателем культа Ленина в СССР и мире. Один из примеров сталинской апологии Ленина дает фрагмент его выступления перед кремлевскими курсантами: «Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения»⁶.

В последнее время часто говорится о речи Сталина на параде 7 ноября 1941 г., в которой он апеллировал к героям дореволюционной России — Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Дмитрию Пожарскому и другим, что интерпретируется как идеологический поворот от левого революционизма. Но в ряду приводимых в этой речи героев величайшим назывался Ленин⁷. Более того, в канун парада 6 ноября Сталин произнес на заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы другую речь, в которой в галерею героев были также включены представители революционной мысли России — Белинский, Чернышевский и даже Плеханов, что указывает на отсутствие разрыва с прежней левореволюционной идеологией, хотя появление в этой речи новых ракурсов и оценок было очевидно⁸.

Положение о различии ленинских и сталинских воззрений сначала развернуто представил Л. Д. Троцкий, а уже затем оно закрепилось в СССР в период хрущевской десталинизации. Расхождения в критике Сталина в рамках позиций Хрущева и Троцкого состояли в различных степенях представляемых обобщений в отношении феномена сталинизма. У Хрущева критика была персональной и сводилась к личному извращению Сталиным ленинизма. Идти дальше и говорить о перерождении социализма в СССР и перерождении партии, как это делал Троцкий, Хрущев без делегитимизации собственной власти не мог. Троцкий же определял сталинскую идеологию идеологией термидора, а ее классовой основой видел платформу численно доминировавшей в дореволюционной России мелкой буржуазии. Применение исторической схемы Французской революции к российскому революционному процессу являлось широко распространенным методологическим приемом, и в этой логике Сталин оказывался не то носителем термидорианства, не то и вовсе российским Бонапартом⁹.

Мнение о подмене Сталиным ленинской теории социализма приобрело доминирующее положение в общественно-политическом дискурсе периода перестройки. Заявлялось о необходимости возвращения к ленинским принципам построения социализма, поскольку сталинский «казарменный социализм» в действительности представлял собой государственно-монополистиче-

ский капитализм¹⁰. Однако далее под влиянием усиливающейся либеральной идеологии происходит переход к позиции единства ленинско-сталинской идеологии, определяемой в качестве единой человеконенавистнической доктрины. Политику террора, на которой делался основной акцент, в этой версии начал Ленин, а продолжил Сталин¹¹.

Разочарование в постсоветской России в либерализме, усиление запроса на восстановление имперского статуса страны оказались соотнесены с широко распространившимся концептом о «плохом Ленине», обвиняемом в русофобии, дезинтеграции имперской государственности, и «хорошем Сталине» — восставителе цивилизационно-идентичной империи. Идеологическая инверсия усматривалась в переходе от мировой революции к государственностроительству с опорой на русскую компоненту и с перспективой компоненты православной. Самого Сталина рассматривали уже как историческую эманацию не Ленина, а Ивана Грозного¹².

Сравнение исторических взглядов Ленина и Сталина может иметь индикативный характер при сопоставлении ленинской и сталинской идеологических моделей в целом. Реконструкция их взглядов на историю предположительно должна обнаружить суть различий, проецируемых через прошлое на актуальную политическую повестку. Сложность такого анализа заключается в том, что ни Ленин, ни Сталин не были историками и свои взгляды на прошлое они встраивали в контекст работ и выступлений по неисторическим проблемам.

Источниковую базу для проведения исследования составили работы, включенные в Полное собрание сочинений Ленина (55 т.) и Собрание сочинение Сталина (18 т.). Наличие таких изданий облегчает проведение компаративистского анализа.

Исторический контент. Прежде всего интересно определенное различие контента исторических апелляций Ленина и Сталина. Ленин опирается почти исключительно на материалы истории Европы. Он следует главным образом за фактологической канвой исторического процесса в описании К. Маркса. Реперные точки в ленинской версии истории — это революции 1789, 1793, 1848 и 1870 гг.¹³ Выводы, сделанные на основании их анализа, Ленин переносил на российский актуальный политический процесс. Наиболее часто употребляемые в его работах исторические персоналии — Наполеон I, Наполеон III, Бисмарк. Особый интерес представляет защита Лениным от нападок образа якобинцев. Отвечая на обвинение большевиков в якобинстве, он фактически солидаризируется с якобинской позицией как с позицией наиболее революционной части французского общества своего времени. В преддверии большевистской революции Ленин летом 1917 г. писал на страницах «Правды»: «Историки буржуазии видят в якобинстве падение (“скатиться вниз”). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII в. была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было

банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог. “Якобинство” в Европе или на границе Европы и Азии в XX в. было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII в., но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся»¹⁴.

Из российских исторических событий внимание Ленина более всего привлекает реформа 1861 г.¹⁵ Через ее анализ он с самых ранних своих работ проводил критику решения аграрного вопроса в программах либералов и неонародников. Среди персоналий отечественной истории Ленин ссылается на представителей освободительного движения — Радищева, декабристов, Герцена, Чернышевского. В юбилейной статье, посвященной памяти Герцена и ставшей в СССР обязательной для школьного изучения, он представил периодизацию истории освободительного движения в России¹⁶. Как нарицательные фигуры упоминаются и символы реакции — Бирон, Аракчеев, Катков, реакционер в историографии — Иловайский.

Исторический нарратив сталинских произведений структурирован в большей степени вокруг российского прошлого. Сталин, как и Ленин, а зачастую со ссылкой на Ленина, обращается к опыту европейских революций, прежде всего Парижской коммуны. Но такие апелляции у него реже, чем у Ленина, и не имеют системообразующего значения. Вместе с тем в истории Европы Сталина в большей степени привлекает история войн и военного искусства, а также межгосударственных отношений. Из фигур европейской истории Сталин, как и Ленин, наиболее часто упоминает Наполеона, из российских исторических деятелей — Ивана Грозного, Пожарского и Минина, Богдана Хмельницкого, Степана Разина, Петра I, Екатерину II, Суворова, Кутузова, Барклая де Толли, Александра I, Николая I, Нахимова. Отечественный исторический опыт для Сталина играл не менее весомую роль, чем универсальный опыт развития мира, что подводило к определенной коррекции методологии исторического познания в целом.

Макроисторический подход. И Ленин, и Сталин являлись приверженцами представления истории в макросоциальном масштабе. Оба они следовали в этом отношении методологии К. Маркса и позиционировали свое учение как исторический материализм. Оба отвергали сужение масштабов истории в рамках как фактографического подхода, так и деятельности выдающихся персоналий. Оба настаивали, что через историю раскрываются фундаментальные законы общественного развития. Ленин критиковал как субъективный идеализм попытки привнесения в историю роли неклассовых субъектов, например в теории Н. К. Михайловского о «критически мыслящих личностях» как двигателях прогресса¹⁷. Он опровергал позицию противников детерминизма в истории, при этом призывая отличать детерминизм от фатализма. Исторических деятелей он видел в качестве выразителей запросов общественного развития, а не создателей исторических проектов. Разбирая подход Михайловского, Ленин рассуждал о детерминированности исторического процесса так:

«Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя, несомненно, деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?»¹⁸

Сталин в рекомендациях к созданию учебников истории подчеркивал, что важнейшая роль в них должна быть отведена теории, тогда как факты имеют вспомогательное значение. История, полагал он, должна излагаться не через галерею персоналий, а через объяснение исторических процессов и действия классов. Об отличии такого изложения истории от традиционного фактографического подхода Сталин говорил на заседании Политбюро ЦК в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)»: «Обычно история партии, как и всякая другая история, состоит в том, что излагаются факты, излагаются связно, даются некоторые наброски по части связи этих явлений между собой, затем идут хронологические даты, годы и т. д. Вот вам и история! Краткий курс истории представляет собой совершенно другой тип истории партии. Собственно, история партии тут взята как иллюстрационный материал для изложения в связном виде основных идей марксизма-ленинизма. Исторический материал служит служебным материалом. Правильнее было бы сказать, что это есть краткое изложение истории, демонстрированное фактами»¹⁹. Развивая далее мысль о значении исторической теории, Сталин противопоставляет историю идей истории героев: «История, заостренная на лицах, для воспитания наших кадров ничего не дает, или дает очень мало, историю надо заострить на идеях»²⁰.

Исторический процесс как история классовой борьбы. Ленин прекрасно овладел марксистской методологией классового анализа. Большинство проводимых им разборов политической ситуации или исторического явления выполнены в этой методологии. Положение Маркса о том, что история есть борьба классов, проходит красной нитью через все творчество Ленина, включая работы последних лет, в которых отказ от прежнего видения истории, вопреки распространенному взгляду о ленинском позднем разочаровании в марксизме, не обнаруживается.

Нет никаких оснований считать, что Сталин когда-либо отказывался от теории классовой борьбы в объяснении исторического процесса. Тезис об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма свидетельствует как раз об обратном. Существуют яркие сталинские высказывания, показывающие его приверженность марксистско-ленинской методологии классового анализа. Так, в беседе с Г. Уэллсом в 1934 г. Сталин развивает мысль, что без классовой борьбы прогресс невозможен, хотя бы уже в силу того, что господствующие классы никогда добровольно не уступят свои позиции: «Возьмем

Францию конца XVIII в. Задолго до 1789 г. было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов. В чем же дело? Дело в том, что классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование как господствующего класса»²¹.

В основополагающем философском труде Сталина «О диалектическом и историческом материализме», своеобразном «катехизисе сталинской философии», он проводит мысль, что классовая борьба составляла основное содержание истории и при рабовладельческом, и при феодальном, и при капиталистическом строе²². Другое дело, что в ситуации сосуществования советского социалистического и капиталистических государств теория классовой борьбы требовала определенной корректировки, переноса ее на межгосударственные отношения.

Историко-культурные конфликты и сталинский взгляд на германо-славянское противостояние. Сталин в целом расширяет пространство исторического конфликта. Конфликты в его версии оказываются не только борьбой классов (межклассовыми и внутриклассовыми противоречиями), но и столкновениями иного рода, в частности национальными. К таким конфликтам он относил в том числе воспроизводимый исторический конфликт между германцами и славянскими народами. Пангерманизм сталкивался с панславизмом. И Сталин уже по окончании Второй мировой войны предупреждал, что для славян, если они объединятся, новая угроза германской агрессии неизбежно возникнет вновь. Проводимая им в жизнь идея славянской федерации в большей степени сравнима с проектом Н. Я. Данилевского²³, чем с подходом Ленина.

Панславистские воззрения Сталина ярко иллюстрирует стенограмма его выступления на обеде в честь Э. Бенеша 28 мая 1945 г.: «Тов. Сталин сказал, что он поднимает свой бокал за новых славянофилов. Он, тов. Сталин, сам является новым славянофилом. Были старые славянофилы, одним из руководителей которых являлся известный русский публицист Аксаков. Они выступали во времена царизма, и эти славянофилы были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в одном государстве под эгидой русского царя. Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств. Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и вторая мировая война — идет на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь... Тов. Сталин сказал, что да, немцы попытаются взять реванш. Тов. Сталин сказал, что просчитаются те, которые думают, что немцы этого не смогут сделать. Некоторые англичане опять говорят о равновесии сил. Если англичане будут полудрузьями Германии, то они просчитаются и проиграют на этом. Мы сейчас бьем немцев, побьем их и тогда, если и когда они вздумают поднять и развязать новую войну.

Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов»²⁴. В пользу достоверности приводимого высказывания говорят и другие сталинские высказывания, соотносимые с заявленной позицией²⁵.

Сталин говорил о необходимости новых славянофилов, о славянофилах-большевиках, что немислимо для риторики первого послереволюционного десятилетия. Для Ленина такие апелляции были совершенно нехарактерны. Национальный вопрос он определял как вопрос по сути классовый, а панславизм характеризовал в качестве реакционной шовинистической идеологии²⁶.

Базис и надстройка, проблема детерминантности в истории. Ленин подчеркивал детерминирующее влияние на общество того, что в марксизме обозначается в качестве производственных отношений. Смена их типа приводит к изменению структуры общества, всех возможных проявлений его функционирования. Марксистское учение о формациях Ленин воспроизводил в своих взглядах на историю уже в свой ранний период, и нет никаких оснований считать, будто бы он не был сторонником формационного подхода. Социально-экономический базис, подчеркивал Ленин, определяет идеологическую надстройку, и считать иначе есть отступление от материалистического понимания истории²⁷. Он резко критиковал, в частности, теорию множественности факторов, порождающую, по его мнению, теоретический хаос, мешающую разграничить главное и второстепенное²⁸.

Сталин, безусловно, также разделял марксистскую идею о смене в истории общественно-экономических формаций. Формационный подход заявлялся в его рекомендациях к формированию школьных учебников истории²⁹. Однако обнаруживаются и некоторые отступления Сталина от детерминированной жесткости ленинского взгляда. Так, он солидаризируется с историками государственной школы в признании военного фактора образования русского централизованного государства. Централизованное государство в России, по мнению Сталина, сложилось под влиянием внешних вызовов до того, как для него были созданы соответствующие рыночные основания и сложился национальный рынок. Специфичность российского государствогенеза пояснялась им в ответ на обвинения в отступлении от исторического материализма следующим образом: «Процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны шел быстрее процесса складывания людей в нации, ввиду чего и образовались здесь многонациональные государства раньше ликвидации феодализма»³⁰. Для Ленина такая позиция была неприемлема как подмена материализма, а сама теория военного фактора в государствогенезе России подвергалась жесткой критике.

Определенным отступлением от методологии базисной детерминации надстройки можно считать и сталинское определение нации, в котором учитывалась не только экономическая парадигма нациогенеза, но и факторы культуры, выражающие психический склад соответствующих сообществ³¹. При обращении к проблемам языка в последние годы жизни Сталин, выведя язык за рамки категории надстройки, и вовсе заявлял, что языковая сфера не определяется базисом. Язык оказывался вне формационного анализа истории, а соответственно, образовывалась брешь в универалистском подходе к историческому

процессу. Солидаризация в критике Н. Я. Марра³² с позицией историков и филологов, придерживающихся примордиалистских воззрений на язык, хотя и преподносилась Сталиным в качестве марксизма, была безусловным методологическим расхождением с ортодоксальным марксистским подходом³³.

Теория империализма. Важнейшим признанным вкладом Ленина в развитие марксизма и в целом обществоведческого анализа стало соединение теории империализма с марксистской методологией, что позволило выделить самостоятельный период в мировом историческом процессе — период монополистического капитализма. Из констатации наступления периода империализма следовали важные прогностические выводы о неизбежности вытекающих из обострения межимпериалистических противоречий глобальных войн, о фашизации капитализма, о росте националистических настроений³⁴.

Сделанные Лениным на основе теории империализма прогнозы подтвердились уже в сталинский период. Но и сам Сталин (о чем говорится гораздо меньше) внес важный вклад в развитие теории империализма, в понимание монополистического капитализма в качестве отдельного исторического этапа мирового капиталистического развития³⁵. Более того, он идет дальше, отмечая нефункциональность ряда классических марксистских положений, выдвинутых Марксом и Энгельсом в домонополистический период развития капитализма, применительно к стадии империализма³⁶. Во взглядах на империализм как высшую стадию капитализма следует признать воззрения Ленина и Сталина фактически совпадающими, и сталинский подход здесь преемствен по отношению к ленинскому.

Азиатский вектор истории. Обнаруживается близость воззрений Сталина и Ленина и в отношении новой исторической роли Азии. Оба они заявляли о пробуждении Азии, о переходе к ней миссии прогресса по сравнению со стагнирующим Западом. Вопреки стереотипу о передовом Западе и отсталой Азии Ленин писал, что теперь Запад оказывается реакционным, а силы прогресса аккумулируются в освободительном движении стран Востока³⁷. В предсказании азиатского прорыва можно увидеть сбывшийся прогноз, данный Лениным и Сталиным тогда, когда об опережающем развитии Азии не могло идти и речи. На особую роль Ленина в пробуждении Востока, в продуцировании процесса уничтожения мировой колониальной системы указывал, в частности, такой видный в современной мировой политологии деятель, как И. Валлерстайн³⁸.

Правда, во взглядах на азиатскую историческую роль имелись и определенные неакцентированные различия. Ленин полагал, что Азия, пойдя по пути прогресса, становится новым Западом, неизбежно европеизируется и в этой европеизации окажется силой мирового развития. Вместе с тем понятия «азиатский», «азиатчина» у Ленина используются как синонимы отсталости, неразвитости. Этот маркер служит ему, в частности, для обвинения русского самодержавия³⁹. Ленин в этом смысле являлся продолжателем западной линии, чего нельзя сказать о Сталине.

В сталинской лексике, в отличие от ленинской, слово «азиатский» никогда не использовалось в уничижительном значении. Сталин и самого себя идентифицирует не в качестве европейца, а как «обрусевшего грузина-азиата»⁴⁰.

У Ленина прорыв Азии видится в превращении ее в Запад, преодолении собственных азиатских черт, у Сталина — в минимизации подражания западным странам.

Исторический универсализм и проблема самобытности российской истории. Ленин был последовательным сторонником универсалистского понимания исторического развития. Он выступал с резкой критикой идеи самобытности России. В идее самобытности истории России и регрессивности капитализма он видел главные ошибки народнической идеологии⁴¹. С самобытностью связывался и другой критикуемый Лениным народнический тезис об общинной предрасположенности русского народа. Общину он рассматривал как феодальный, крепостнический институт, а представление об общинном коллективизме оценивал в качестве народнического мифа, ссылаясь на описание А. Н. Энгельгардтом крайних индивидуалистических проявлений в быту крестьян⁴². Наступление капитализма, предсказывал Ленин, развеет идиллические картины, распространив среди крестьянства, мечтающего добиться положения кулака, капиталистический тип нравственности — «нравственность рубля»⁴³.

Все кажущееся своеобразие России Ленин интерпретировал как проявление ее отсталости, сочетание капиталистических черт со средневековыми, феодальными институтами и порядками. Тезис об архаичности России, ее средневековости проходит красной нитью через все ленинское творчество. К теоретической позиции добавлялись эмоционально-пафосные оценки о рабстве русских, о явлении русской обломовщины и т. п. Уже в 1922 г. на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов Ленин рассуждал о живучести обломовщины в России: «Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист»⁴⁴.

Распространенная в настоящее время маркировка Ленина в качестве русофоба не соответствует действительности. Будучи универсалистом, он не мог быть ни русофобом, ни русофилом. Нации он считал продуктом определенного этапа исторического развития, который должен быть завершен, и тогда все национальности сольются в единую общность. Так, резко критикуя Бунда, Ленин опровергал особое существование еврейской нации. Еврейскую идентичность он также оценивал как проявление пережитков средневековья с характерной для него замкнутостью отдельных групп по принципу гетто⁴⁵. Ленин признавал и возможность национальной гордости («гордости великоросов»), но не за прошлое, которое считал рабским, а за открываемую русским рабочим классом перспективу освобождения человечества⁴⁶.

Вместе с тем у Ленина встречается оговорка о том, что в средневековой России был возможен азиатский способ производства. Положение К. Маркса об особом азиатском способе производства не получило развития в марксистской теории, построенной преимущественно на осмыслении западного опыта. Не получила развития эта мысль и у Ленина, хотя содержала перспективы

соединения марксистской универсальности с данными об исторической вариативности развития незападных сообществ. Однако в применении к российскому контексту требовалось пойти на системное переосмысление марксистской схемы исторического процесса. С одной стороны, в России обнаруживались черты азиатского способа производства в виде самодержавного режима, трактуемого режимом деспотическим, и общины; с другой — не было ирригационного земледелия, рассматриваемого Марксом как основа азиатского производственного уклада. Требовалась перестройка всей схемы генезиса последующих формаций, происхождения буржуазии и пролетариата, — одним словом, большая теоретическая работа с непредсказуемыми политическими выводами. Ссылаясь на возможность существования азиатского способа производства в средневековой Руси, Ленин указывал, что для актуальной ситуации развития капитализма эта ретроспектива уже не имеет значения⁴⁷.

Признание того, что национально-культурные различия все-таки существуют, обнаруживается и у Ленина. Он, в частности, указывал, что пролетариату не должно быть безразлично, в рамках какой национально-культурной среды приходится вести классовую борьбу⁴⁸. Но признание различий национально-культурных сред — это, по сути, и есть признание самобытности исторического развития. Таким образом, можно говорить не о противопоставлении универсализма и национальной самобытности в истории, а о степени значимости при разном понимании развертки исторического процесса. Ни Ленин, ни Сталин не ставили под сомнение универсализм исторического развития, но у Сталина акцент на национальную самобытность был более выражен, чем у Ленина.

Сталин неплохо разбирался в этнографии Кавказа. Обращение к кавказскому этнографическому материалу показывало ограничения применения универсалий к этнической истории. Если бы такие универсалии доминировали, кавказские этносы, находящиеся примерно на одной стадии общественного развития, слились бы в единую общность, чего в реальности не происходило⁴⁹.

Ленин вслед за Марксом указывал на перспективу устранения различий между нациями и слияния их. Подобные высказывания Маркса и Ленина были хорошо известны, и напрямую полемизировать с ними означало бы пойти на скандал. Но Сталин, не опровергая их непосредственно, дает понять (в частности, в разъяснительном письме к Марии Ульяновой), что не разделяет данный подход: «...даже после победы диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, даже после этого долго еще будут существовать национальные и государственные различия»⁵⁰. Согласно его пониманию, существование наций не определяется действием исключительно экономических факторов и сопряжено с обстоятельствами культурной самобытности.

Сталин, как и Ленин, использовал тезис об отсталости дореволюционной России. В 1928 г. он обосновывал целесообразность индустриализации тем, что Россию вследствие ее отсталости постоянно побивали внешние противники. Очевидно, что реальная российская история содержала гораздо больше побед, чем поражений, и тезис «били постоянно» не соответствовал действительности. В дальнейшем Сталин сам выступает против попыток искусственной

негативизации российского прошлого. В 1930 г. он уже резко критиковал Демьяна Бедного за образы и идеи, близкие к прежнему левому историческому нарративу⁵¹. Послевоенная борьба Сталина с безродным космополитизмом еще более усиливает тенденцию соответствующего переосмысления. Получалось, что русские от западных наций не отставали, а следовательно, отличия России от Запада были не столько следствием отсталости, сколько выражением именно ее самобытности. Само по себе акцентирование на русской теме в позитивном значении было отступлением от ленинского подхода. В рекомендации к подготовке школьного учебника истории Сталин указывал, что прошлое Великороссии должно было соотноситься, с одной стороны, с развитием мира в целом, с другой — с развитием всех иных народов СССР. Рекомендация давалась как ограничение в отношении исключительно великоросской истории, но фактически означала, что великоросская история должна составить ось исторического нарратива⁵².

Сталин ссылаясь в своих выступлениях на позицию сменовеховцев и персонально на перешедшего на платформу национал-большевизма Н. В. Устрялова. Ссылки эти были критическими: Сталин отвергал сменовеховский тезис о воссоздании в СССР традиционной российской имперской государственности. Но критика эта важна еще и как свидетельство знакомства Сталина с соответствующими разработками в эмиграционной среде и возможности восприятия их для личного осмысления исторического процесса⁵³.

История внешней политики дореволюционной России. Ленин характеризовал внешнюю политику дореволюционной России крайне негативно — как реакционную и захватническую. Образ «жандарма Европы» он дополнял новым образом «жандарма Азии»⁵⁴. Даже в отношении освободительных войн в истории России, таких как Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Ленин использовал негативизирующие оговорки: внутренние турки были гораздо опаснее внешних⁵⁵.

Впрочем, в обращении Ленина к истории внешней политики обнаруживаются и весьма интересные подходы, позволяющие говорить о геополитическом ракурсе рассмотрения им международных конфликтов. Так, распространяя информацию о тайных переговорах правительства Николая II с германским правительством о выходе из войны, Ленин представил ситуацию так, что главным врагом России является вовсе не Германия, а формальный российский союзник — Британская империя. Он предполагал, что англичане сделают все возможное, чтобы не допустить Россию оказаться в числе победителей. Переориентация же на Германию, считал Ленин, могла дать России шанс получить дивиденды сначала от союза с Британией против Турции и Австро-Венгрии, а затем от союза с Германией в низвержении главного мирового врага — англичан⁵⁶. Несмотря на то что Ленин никогда не исходил из методологии геополитического анализа и, находясь на марксистских позициях, не мог его принять в принципе, эти его рассуждения фактически совпадают с классическими разработками геополитики⁵⁷.

Разоблачая внешнюю политику России, Ленин в значительной мере шел опять-таки за разоблачениями ее со стороны Маркса и Энгельса, однако при

этом в равной мере критиковал все империалистические государства, показывая, что любое из них ориентировано на захваты чужих территорий и ресурсов.

Сталин первоначально также склонялся к обвинению России в реакционной, захватнической политике. Однако постепенно пафос этих обвинений ослабевает и возникает тема агрессивных антироссийских действий Запада. Сталин выступает с прямой критикой Энгельса за его ангажированную оценку царской внешней политики. С его точки зрения, классик марксизма не был корректен в своих выводах, а российская внешняя политика не являлась более реакционной или более захватнической, чем политика любого из западных государств. «Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции — в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться», — заявлял Сталин о своем несогласии с позицией Энгельса⁵⁸. Сталин критиковал Энгельса за тенденциозность в негативизации внешней политики России, но подобные претензии мог бы предъявить и Ленину. Вероятно, не в последнюю очередь из-за критических стрел в адрес России, содержавшихся в ряде работ Маркса и Энгельса, издание их полного собрания сочинений в СССР в 1935 г. было приостановлено.

Запад в поздней сталинской версии истории выступал агрессивной константой, действовавшей против России. Он рассуждал о германской многовековой борьбе против славянского мира, о противостоянии Европе Ивана Грозного. Сталин уточнял, что Петр I, прорубая окно в Европу, преодолевал не столько сопротивление старомосковской партии, сколько попытку изоляции, организованной самими европейскими государствами. В апелляции к событиям войны 1812 г. и даже Первой мировой войны Сталин солидаризируется с Россией, ведущей войну с врагом. Поход 14 государств против Советской России и холодную войну Сталин рассматривал в качестве звеньев одной исторической цепи агрессии объединенных сил Запада против России.

Если для Ленина кампания Николая I по подавлению венгерской революции есть несмываемый позор для России, то Сталин, не снимая осуждения царизма за венгерский поход, подчеркивал, что СССР никакой вины за него перед Венгрией не несет. Примерно так же он оценивал и исторические отношения с Польшей: виноват царизм, а не русский народ, и вместе с царизмом вину несет также польская шляхта⁵⁹.

Нахождение на национальных позициях и борьба с врагами Отечества становятся у Сталина главными критериями оценки такого исторического персонажа, как Григорий Саакадзе: исторически он проиграл, поскольку пытался найти помощь среди врагов Грузии⁶⁰. После просмотра второй части фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный» Сталин высказался о главной заслуге царя: «Он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал»⁶¹. Грозного он оценивал как лучшего правителя в истории дореволюционной России. Ставившийся также высоко Петр I порицался за либеральное отношение к иностранцам, их широкое проникновение при нем на ключевые позиции в государственном управлении, онемечивание двора. Еще более

лояльной была кадровая политика в отношении иностранцев у Екатерины II. Сталин характеризовал двор российских императоров как немецкий, что не могло, по его мнению, не привести к несuverенности политики императорской России⁶².

Национальный вопрос в истории России. Наряду с идеологемой «Россия — европейский жандарм», широкое хождение в революционной среде имела также идеологема «Россия — тюрьма народов». Она активно использовалась и в работах Ленина, писавшего о великорусском шовинизме, руссификаторстве, царском колониализме. Сталин первоначально также принимал взгляд о великорусском шовинизме и русификаторской политике царизма. В феврале 1921 г. на страницах «Правды» он характеризовал государственный курс Российской империи по отношению к инородцам как дискриминационный: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»⁶³. Более того, Сталин полагал, что национальное угнетение неизбежно устанавливалось по опыту стран Востока в любом многонациональном государстве, но постепенно его взгляды эволюционировали в направлении понимания особой интегративной миссии русского народа и представления о преимущественно добровольном вхождении народов в состав России.

Если Ленин в отношении украинского вопроса указывал на недопустимость препятствования украинизации, то Сталин, наоборот, предостерегал против искусственной украинизации⁶⁴. Он отвергал попытки негативного освещения деятельности Богдана Хмельницкого, хотя отношение к нему среди сторонников украинизации было преимущественно отрицательным⁶⁵. Если Ленин считал, что для преодоления рецидивов шовинизма следует дать максимум прав национальным меньшинствам, пусть даже в ущерб большой нации⁶⁶, то Сталин, напротив, приходил к выводу о целесообразности ставки на большую нацию. В частности, такой подход он рекомендовал применить в Китае в отношении к иноэтничным окраинам⁶⁷.

Герои дореволюционного исторического нарратива. Для Ленина было этически невозможно высказаться в положительном смысле о ком-либо из российских самодержцев или представителей высшей бюрократии. Таких оценок при фронтальной проверке текстов Полного собрания сочинений мы не обнаружили. Сталин уже может давать подобные оценки. Он заявляет, в частности, о прогрессивном значении деятельности Ивана Грозного и созданной им опричной организации. Суть прогрессивности царя Сталин видел в том, что тот первым в истории России ввел будто бы монополию внешней торговли, которая была восстановлена уже только при Ленине⁶⁸. Сталин указывал на отличие опричного прогрессивного террора, направленного против боярской кромолы и рецидивов раздробленности, от репрессий правительства Николая II⁶⁹.

Как прогрессивного деятеля оценивал Сталин и Петра I, акцентируя внимание на организации им форсированной ликвидации технологического от-

ставания от Запада. Он подчеркивал, что император защищал прежде всего классовые интересы помещиков и зарождающейся буржуазии. Проводить предлагаемые корреспондентом японской газеты аналогии между своей деятельностью и деятельностью Петра он категорически отказывался на основании различия классовых платформ. Некорректным считал Сталин и попытки сравнения Петра с Лениным ввиду несопоставимости этих величин⁷⁰.

Оценивая военную деятельность А. В. Суворова, Сталин отмечал его действия вопреки сложившемуся стереотипам, а также выдвижение кадров вне зависимости от происхождения⁷¹. О М. И. Кутузове он отзывался как о гениальном полководце, проводил параллель между кутузовской тактикой 1812 г. и отступлением Красной армии в 1941 г.⁷²

Позитивных оценок правителям Российской империи после Петра Сталин не давал. В целом прослеживаются его большие симпатии к средневековой Руси, нежели к императорской России.

Выводы. Проведенный сопоставительный анализ исторических воззрений Сталина и Ленина показывает значительные расхождения их оценок и акцентов. Вместе с тем Сталин никогда не вступал в прямую полемику с историческими взглядами Ленина, только в опосредованную — через критику Ф. Энгельса. При этом он не разрывал с марксистским пониманием истории в рамках теории исторического материализма, принимая теорию формаций и учение о классовой борьбе. И Ленин, и Сталин являлись сторонниками макросоциального подхода в изложении исторического материала, выступали противниками фактографии и героизации истории. Преемственность подходов обнаруживается при применении к истории теории империализма, содержащей значимый прогностический потенциал, подтвержденный опытом Второй мировой войны и вызовом фашизации. Однако Ленин в своих трудах в большей степени акцентировал внимание на действии универсальных законов истории, тогда как Сталин принимал отвергаемое тем положение о самобытности исторического пути развития России. Контент сталинских обращений к истории в большей степени выстраивался на отечественном историческом материале, тогда как ленинских — на европейском, прежде всего истории революций в Европе. Заметные различия между Лениным и Сталиным обнаруживаются в интерпретации истории внешней политики России и роли русского народа в российском государствовоенезе. При этом важно констатировать, что исторические воззрения Сталина прошли существенную эволюцию и соотносились с коллизиями актуального развития СССР и мира, реализации модели построения системы социализма в одной стране.

В целом можно говорить об исторических воззрениях Ленина как уточнении мирового развития на платформе марксизма с экстраполяцией их к российским реалиям. Исторические воззрения Сталина представляли собой сочетание марксистско-ленинской схемы мировой истории с представлениями о специфике российского пути развития. Для Ленина и российская, и азиатская специфичность воспринимались как проявление отсталости, для Сталина — национальных особенностей. Оба эти подхода к истории соотносились с логикой развития СССР: ленинский — с выдвижением мирового проекта, сталинский —

с преломлением его к особенностям жизненного уклада российской цивилизации.

¹ См. об этом: Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Динамика исторического сознания российского населения в постсоветский период // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 20–32; № 12 (2). С. 4–18.

² См., напр.: Быстрянский В. А. Ленин — историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925; История и историки: историографический ежегодник. 1970: Историческая концепция В. И. Ленина. Методология. Лаборатория / отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1972. С. 253–288; Александров Г. Ф. Труды И. В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма. М., 1952.

³ См., напр.: Илизаров Б. С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 182–205; № 4. С. 152–166; Медведев Р. А. Люди и книги. Что читал Сталин? Писатель и книга в тоталитарном обществе. М., 2005.

⁴ Кузнецов А. А. Рецензия на книгу: Котеленец Е. А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2017. № 16 (4). С. 692–699.

⁵ Сталин: К 60-летию со дня рождения: статьи и приветствия / сост. В. Ф. Плетнев. М., 1940. С. 18–32, 67–78.

⁶ Сталин И. В. О Ленине: Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 18 т. Т. 6. М., 1947. С. 53.

⁷ Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Там же. Т. 15. М., 1997. С. 86.

⁸ Сталин И. В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 г. // Там же. С. 79.

⁹ Троцкий Л. Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 2018; Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–166.

¹⁰ См. об этом: Ципко А. С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45–55; 1988. № 12. С. 40–48; 1989. № 1. С. 46–56; 1989. № 2. С. 53–61.

¹¹ См. подробнее: Крутов В., Верес Л. «Отцы-основоположники» коммунистического рабства (групповой портрет). Саратов, 1991.

¹² См. об этом: Историография сталинизма / под ред. Н. А. Симония. М., 2007; Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939). М., 2001; Платонов О. А. Бич божий. Величие и трагедия Сталина (Эпоха Сталина). М., 2004.

¹³ Ленин В. И.: 1) Революция типа 1789 или типа 1848 года? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 9. М., 1967. С. 380–382; 2) Социал-демократия и Временное революционное правительство // Там же. Т. 10. М., 1967. С. 19; 3) Две тактики социал-демократии в демократической революции // Там же. Т. 11. М., 1967. С. 48, 125–126; 4) Заключительная часть к статье «Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры» // Там же. С. 132; 5) Фр. Меринг о Второй Думе // Там же. Т. 15. М., 1968. С. 261–263; 6) Уроки коммуны // Там же. Т. 16. М., 1968. С. 451–454; 7) «Левение» буржуазии и задачи пролетариата // Там же. Т. 17. М., 1968. С. 409–410; 8) Государство и революция // Там же. Т. 33. М., 1969. С. 22–83.

¹⁴ Ленин В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? // Там же. Т. 32. М., 1969. С. 374.

¹⁵ Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Там же. Т. 20. М., 1968. С. 139–142.

¹⁶ Ленин В. И. Памяти Герцена // Там же. Т. 21. М., 1968. С. 255–262.

¹⁷ Михайловский Н. К. Герои и толпа // Михайловский Н. К. Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб., 1896. С. 95–191.

¹⁸ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1967. С. 159.

- ¹⁹ *Сталин И. В.* Выступление на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)» 10 октября 1938 года // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 18. Тверь, 2006. С. 160.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Сталин И. В.* Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. // Там же. Т. 14. М., 1997. С. 34–35.
- ²² *Сталин И. В.* О диалектическом и историческом материализме // Там же. С. 275, 277.
- ²³ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2018.
- ²⁴ *Сталин И. В.* Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 г. // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 18. С. 359–360.
- ²⁵ *Сталин И. В.* Господину Б. Беруту, Президенту Крайовой Рады Народовой, господину Э. Осубка-Моравскому, Премьер-Министру Временного правительства Польской Республики, маршалу М. Роля-Жимерскому, Главнокомандующему Польским Войском 12 мая 1945 г. // Там же. С. 371.
- ²⁶ *Ленин В. И.* Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 26. М., 1969. С. 6.
- ²⁷ *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Там же. Т. 1. С. 133, 140, 148–149.
- ²⁸ *Ленин В. И.* Рецензия на книгу: А. Богданов. Краткий курс экономической науки // Там же. Т. 4. М., 1967. С. 37.
- ²⁹ *Сталин И. В., Киров С. М., Жданов А. А.* Замечания о конспекте учебника новой истории // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 14. С. 43–45.
- ³⁰ *Сталин И. В.* Письмо тт. Цветкову и Алыпову // Там же. Т. 9. М., 1948. С. 176.
- ³¹ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Там же. Т. 2. М., 1946. С. 296–297.
- ³² См. об этом: *Шилков Ю. М.* Философия языка Н. Я. Марра // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. СПб., 2004. С. 72–82.
- ³³ *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 16. М., 1997. С. 104–109.
- ³⁴ *Ленин В. И.*: 1) Военная программа пролетарской революции // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 30. М., 1969. С. 131–143; 2) Империализм, как высшая стадия капитализма // Там же. Т. 27. М., 1969. С. 299–426; 3) Конференция заграничных секций РСДРП // Там же. Т. 26. С. 165–166; 4) Реферат на тему «Пролетариат и война» // Там же. С. 28–29; 5) Социализм и война // Там же. С. 307–350.
- ³⁵ *Сталин И. В.*: 1) Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 6. С. 69–188; 2) Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б): Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г. // Там же. Т. 11. М., 1949. С. 198–201.
- ³⁶ *Сталин И. В.*: 1) Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. // Там же. Т. 7. М., 1952. С. 261–352, С. 89–91; 2) Заключительное слово по докладу «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) 3 ноября 1926 г. // Там же. Т. 8. М., 1948. С. 298–299; 3) Письмо т. Ермаковскому // Там же. Т. 17. М., 1952. С. 232–234.
- ³⁷ *Ленин В. И.*: 1) Демократия и народничество в Китае // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 21. С. 400–406; 2) Китайская война // Там же. Т. 4. С. 378–383; 3) Отсталая Европа и передовая Азия // Там же. Т. 23. М., 1969. С. 166–167; 4) Падение Порт-Артура // Там же. Т. 9. С. 151–152; 5) Пробуждение Азии // Там же. Т. 23. С. 145–146; 6) События на Балканах и в Персии // Там же. Т. 17. С. 221–222; *Сталин И. В.*: 1) Не забывайте Востока // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 4. М., 1947. С. 171–173; 2) С Востока свет // Там же. С. 12–182.
- ³⁸ *Валлерстайн И.* Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра. URL: <https://inosmi.ru/history/201110125/165957636.html> (дата обращения: 15.02.2020).
- ³⁹ *Ленин В. И.*: 1) Революция типа 1789 или типа 1848 года? // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 9. С. 381; 2) Две тактики социал-демократии в демократической революции // Там же. Т. 11. С. 48; 3) Между двух битв // Там же. Т. 12. М., 1968. С. 57; 4) Социалистическая партия и беспартийная революционность // Там же. С. 134.

- ⁴⁰ Невежин В.А. Застольные речи Сталина: документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 158.
- ⁴¹ Ленин В.И.: 1) Гимназические хозяйства и исправительные гимназии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1967. С. 61; 2) От какого наследства мы отказываемся? // Там же. С. 528; 3) Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3. М., 1967. С. 1–609.
- ⁴² Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? С. 523.
- ⁴³ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Там же. Т. 1. С. 393.
- ⁴⁴ Ленин В.И. О международном и внутреннем положении Советской республики // Там же. Т. 45. М., 1970. С. 13.
- ⁴⁵ Ленин В.И.: 1) Критические заметки по национальному вопросу // Там же. Т. 24. М., 1969. С. 120–126; 2) Положение Бунда в партии // Там же. Т. 8. М., 1967. С. 49.
- ⁴⁶ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Там же. Т. 26. С. 106–110.
- ⁴⁷ Ленин В.И. Доклад об объединительном съезде РСДРП // Там же. Т. 13. М., 1968. С. 14–15.
- ⁴⁸ Ленин В.И. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии // Там же. Т. 17. С. 190.
- ⁴⁹ Сталин И.В. Беседа с послом Аргентины Леопольдо Браво 7 февраля 1953 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. С. 593.
- ⁵⁰ Сталин И.В. Товарищу М.И. Ульяновой: Ответ товарищу Л. Михельсону // Там же. Т. 10. М., 1949. С. 151.
- ⁵¹ Сталин И.В. Письмо Д. Бедному 12 декабря 1930 г. // Там же. Т. 18. С. 31–35.
- ⁵² Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Там же. Т. 14. С. 42.
- ⁵³ Сталин И.В.: 1) Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. // Там же. Т. 7. С. 341–342; 2) Заключительное слово по докладу на VII расширенном пленуме ИККИ 13 декабря 1926 г. // Там же. Т. 9. С. 69–71.
- ⁵⁴ Ленин В.И.: 1) События на Балканах и в Персии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 228; 2) Российская социал-демократическая рабочая партия. Ко всем гражданам России // Там же. Т. 22. М., 1968. С. 137.
- ⁵⁵ Ленин В.И. Российская социал-демократическая рабочая партия. Ко всем гражданам России // Там же. Т. 22. С. 137.
- ⁵⁶ Ленин В.И. О сепаратном мире // Там же. Т. 30. С. 185–186.
- ⁵⁷ См. об этом: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
- ⁵⁸ Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»: Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1934 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 22.
- ⁵⁹ Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 38.
- ⁶⁰ Сталин И.В. Письмо И.Г. Болышакову 11 октября 1940 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. С. 205–206.
- ⁶¹ Сталин И.В., Жданов А.А., Молотов В.М. Беседа с С.М. Эйзенштейном и Н.К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 г. // Там же. С. 434.
- ⁶² Там же. С. 434, 440.
- ⁶³ Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Там же. Т. 5. М., 1947. С. 24.
- ⁶⁴ Сталин И.В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // Там же. Т. 8. С. 151–153.
- ⁶⁵ Сталин И.В. Речь на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1944 г. // Там же. Т. 18. С. 338.
- ⁶⁶ Ленин В.И.: 1) Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 127–130; 2) Украина // Там же. Т. 32. С. 341–342; 3) Украина и поражение правящих партий России // Там же. С. 350–352.
- ⁶⁷ Протокольная запись приема делегации ЦК КПК 28 июня 1949 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. С. 527–530.

⁶⁸ *Сталин И. В., Жданов А. А., Молотов В. М.* Беседа с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 г. // Там же. С. 434.

⁶⁹ *Сталин И. В.* Выступление на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о кинофильме «Большая жизнь» 9 августа 1946 г. // Там же. С. 422.

⁷⁰ *Сталин И. В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Там же. Т. 13. М., 1951. С. 105.

⁷¹ *Сталин И. В.* Письмо И. Г. Большакову 9 июня 1940 г. // Там же. Т. 18. С. 189.

⁷² *Сталин И. В.* Ответ товарищу Разину // Там же. Т. 16. С. 21–24.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 19 мая 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Ленин и Сталин как историки: сравнительный анализ воззрений // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 622–642.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.305>

УДК 930

Аннотация: Статья посвящена реконструкции исторических воззрений лидеров советского государства В. И. Ленина и И. В. Сталина как важного компонента реализуемых ими идеологических проектов. Сравнение их взглядов на историю выступает индикатором различий ленинской и сталинской версий советской идеологии. Ключевыми исследовательскими методами стали: компаративистский анализ, заключающийся в сравнении взглядов Ленина и Сталина по ключевым проблемам осмысления истории; контент-анализ, состоящий в выявлении исторических компонентов в ленинских и сталинских работах по актуальным общественно-политическим проблемам, вошедших в собрания сочинений. Авторы приходят к выводу о сохранении преемственности в воззрениях Ленина и Сталина на историю в рамках общей методологической платформы марксизма (теория формаций, теория классовой борьбы, приверженность макросоциальному подходу к истории). Отмечается развитие Сталиным ряда ленинских положений в отношении понимания истории, прежде всего связанных с соединением марксизма с теорией империализма. Вместе с тем обнаруживаются определенные различия в используемом контенте — преимущественно истории европейских революций у Ленина и истории российского государствоворостроительства у Сталина. Согласно авторским выводам, Ленин во взглядах на прошлое был более акцентирован на универсальные законы истории, тогда как Сталин допускал признание самобытности российского исторического процесса. Имелись определенные различия в акцентах интерпретации ими национальных отношений и внешней политики в истории России. Обнаруживаемые расхождения во взглядах на историю соотносились с различием решаемых Лениным и Сталиным задач на разных стадиях реализации советского проекта.

Ключевые слова: Ленин, Сталин, марксизм, исторические взгляды, идеология, классовая борьба, национальный вопрос, внешняя политика, история.

Сведения об авторах: *Багдасарян В. Э.* — д-р ист. наук, проф., Московский государственный областной университет (Москва, Россия); vardanb@mail.ru | *Реснянский С. И.* — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Московский государственный областной университет (Москва, Россия); s-r44@yandex.ru

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская область, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

FOR CITATION

Bagdasaryan V.E., Resnianskiy S.I. 'Lenin and Stalin as Historians: A Comparative Analysis of their Views', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020, pp. 622–642.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.305> (In Russian)

Abstract: This article reconstructs the historical views of the leaders of the Soviet state, V. I. Lenin and I. V. Stalin, as an important component of their ideological projects. The comparison of their views on history is an indicator of differences between the Leninist and Stalinist versions of Soviet ideology. The authors conclude that the continuity of views on the history of Lenin and Stalin is maintained within the framework of the general methodological platform of Marxism (formation theory, class struggle theory, adherence to the macrosocial approach to history). Stalin developed a number of Leninist provisions regarding the understanding of history and, above all, related to the combination of Marxism with the theory of imperialism. At the same time, certain differences are found in content used — mainly the history of European revolutions by Lenin and the history of Russian state-building by Stalin. Lenin placed more emphasis on universal laws of history, while Stalin recognized the originality of the Russian historical process. There were certain differences in emphases on their interpretations of national relations and foreign policy in Russian history. Such differences in views of history were correlated with differences between the tasks Lenin and Stalin faced at different stages of the Soviet project.

Keywords: Lenin, Stalin, Marxism, historical views, ideology, class struggle, national question, foreign policy, history.

Authors: *Bagdasaryan V.E.* — Dr. Sci. in History, Professor, Moscow Region State University (Moscow, Russia), vardanb@mail.ru | *Resnianskiy S.I.* — Dr. Sci. in History, Professor, RUDN University; Moscow Region State University (Moscow, Russia); s-r44@yandex.ru

Moscow Region State University, 24, ul. Very Voloshinoy, Mytistschi, Moscow Region, 141014, Russia

RUDN University, 6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia

References:

- Alexandrov G.F. *Writings of I. V. Stalin on linguistics and questions of historical materialism* (Moscow, 1952). (In Russian)
- Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. 'The dynamics of the historical consciousness of the Russian population in the post-Soviet period', *Voprosy istorii*, no. 11, 2019. (In Russian)
- Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. 'The dynamics of the historical consciousness of the Russian population in the post-Soviet period', *Voprosy istorii*, no. 12, 2019. (In Russian)
- Bystryansky V. A. *Lenin is a historian. Historicism in Leninism* (Leningrad, 1925). (In Russian)
- Danilevskiy N. Ya. *Russia and Europe* (Moscow, 1918). (In Russian)
- Dugin A. *Fundamentals of geopolitics. The geopolitical future of Russia* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Historiography of Stalinism*, ed. by N. A. Simoniya (Moscow, 2007). (In Russian)
- History and historians: a historiographic yearbook. 1970: The Historical Concept of V. I. Lenin. Methodology. Laboratory*, ed. by M. V. Nechkina (Moscow, 1972). (In Russian)
- Ilizarov B. S. 'Stalin. Strokes to the portrait against the background of his library and archive', *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, 2000. (In Russian)
- Ilizarov B. S. 'Stalin. Strokes to the portrait against the background of his library and archive', *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4, 2000. (In Russian)
- Khrushchev N. S. 'On the cult of personality and its consequences. Report to the 20th Congress of the CPSU', *Izvestiia CK KPSS*, no. 3, 1989. (In Russian)
- Kozhinov V. V. *Russia. Century 20th (1901–1939)* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Krutov V., Veres L. "Founding Fathers" of Communist Slavery (group portrait) (Saratov, 1991). (In Russian)
- Kuznetsov A. A. 'Book review: Kotelenets E. A. Battle for Lenin. Recent researches and discussions. Moscow: Airo-XXI Publ., 2017. 256 p.', *RUDN Journal of Russian History*, no. 16 (4), 2017. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-4-692-699>.
- Medvedev R. A. *People and books. What did Stalin read? Writer and book in a totalitarian society* (Moscow, 2005). (In Russian)

- Mikhailovskiy N. K. 'Heroes and the crowd', *Mikhailovskiy N. K. Sochineniia*, in 6 vols, vol. 6 (St. Petersburg, 1896). (In Russian)
- Nevezhin V. A. *Dinner speeches of Stalin: Documents and materials* (Moscow — St. Petersburg, 2003). (In Russian)
- Platonov O. A. *God's scourge. The greatness and tragedy of Stalin (The era of Stalin)* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Shil'kov Yu. M. 'Philosophy of the language of N. Ya. Marr', *Veche. Almanakh russkoi filosofii i kultury*, vol. 16 (St. Petersburg, 2004). (In Russian)
- Stalin: On the occasion of his 60th birthday: Articles and greetings*, ed. by V. F. Pletnev (Moscow, 1940). (In Russian)
- Trotsky L. D. *Devoted Revolution: What is the USSR and where is it going?* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Tsipko A. S. 'The origins of Stalinism', *Nauka i zhizn'*, no. 11, 1988. (In Russian)
- Tsipko A. S. 'The origins of Stalinism', *Nauka i zhizn'*, no. 12, 1988. (In Russian)
- Tsipko A. S. 'The origins of Stalinism', *Nauka i zhizn'*, no. 1, 1989. (In Russian)
- Tsipko A. S. 'The origins of Stalinism', *Nauka i zhizn'*, no. 2, 1989. (In Russian)
- Wallerstein I. *Lenin and Leninism today and the day after tomorrow*. Available at: <https://inosmi.ru/history/20110125/165957636.html> (accessed: 15.02.2020).

Received: February 15, 2020

Accepted: May 19, 2020